



# Усадьба «Розель»

Елена Тюрина



16+

Елена Тюрина  
**Усадьба Розель**

«Автор»

2018

**Тюрина Е. А.**

Усадьба Розель / Е. А. Тюрина — «Автор», 2018

Обветшала усадьба в Латвии хранит немало загадок. Это место прочно связало между собой судьбы разных поколений. Соглашаясь заняться расследованием событий, произошедших здесь в годы войны, журналистка Мила Литвинова и подумать не могла, какие скелеты можно обнаружить в шкафу одного довольно уважаемого семейства. И золото, спрятанное где-то на территории усадьбы, – далеко не самый неожиданный сюрприз из всех.

© Тюрина Е. А., 2018

© Автор, 2018

## Содержание

Пролог	5
Глава I	8
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	27
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

# Елена Тюрина

## Усадьба Розель

### Пролог

*2017 г.*

Женщина открыла чуть помутневшие от времени, но еще живые и красивые глаза. За эти невероятные глаза ее даже звали играть в театре, потом – быть натурщицей. Но она отказывалась. Тогда казалось, что в жизни достаточно всего – чувств, эмоций. А теперь было ощущение, что эта жизнь как-то незаметно прошла мимо.

За окном едва брезжил рассвет. Опять она задремала в кресле с газетой. Взгляд упал на первую, уже давно пожелтевшую, полосу «Красной звезды». Почтальон всякий раз удивлялся, что она выписывала военную прессу. Хотя, скорее всего, это был просто повод подольше с ней поговорить. Что уж скромничать – она всегда чувствовала на себе восхищенные взгляды. Но держалась достойно. На публике никогда не позволяла себе ничего большего, чем улыбка. Ни скандалов с повышением голоса, ни выяснения отношений, ни истерик с заламыванием рук. Даже когда умер муж. Всегда спокойная и снисходительная, будто королева, – с подчиненными, и мягкая сдержанная хозяйка – дома. Никакого кокетства и прочих дешевых женских приемов в отношении мужчин. Настоящая богиня, стоящая выше мирской суеты. Но это не значит, что она была холодна и бесчувственна. Ее шарм не оставлял равнодушными представителей сильного пола, всегда ищущих ее внимания, желающих если не покорить эту недостижимую женщину, то хотя бы поймать взгляд...

Да, она вела не самую праведную жизнь. Предавала, убила человека... Но и любила. Любила до безумия, так, что душу готова была за него продать. Воспоминания о былом унесли ее в тот вечер, когда она впервые увидела его... Женщина снова взяла дрожащими руками газету. С нечеткой, плохо пропечатанной фотографии на нее смотрел довольно молодой мужчина. Спокойная открытая улыбка, до боли знакомый прищур светлых глаз. Он, кажется, совсем не менялся. Наверное, и ушел вот таким же. «В моей жизни это чудо, что я стал военным летчиком. Я, мальчик из далекой, но милой сердцу украинской деревни...», – в глаза бросились несколько строчек из интервью.

Сердце сдавило в этот раз сильнее, чем все предыдущие разы. И долго не отпускало. Быть может, и ее время подходит? Нужно найти валидол. С трудом поднялась, тяжело опираясь на подлокотники кресла. Очень старые, наверное, как она сама, деревянные половицы, поскрипывали от ее шагов.

*2008 г.*

Спускаясь по трапу самолета, он сразу увидел родителей. Ну конечно, мать не могла потерпеть некоторое время, пока он выйдет в зал прилета, и уговорила отца воспользоваться своими связями, чтобы подойти к самому трапу. Юноша чуть нахмурился. Это был высокий худощавый молодой человек, светловолосый, с приятными чертами лица. За стеклами очков в тонкой металлической оправе с покрытием под золото сияли серые глаза. Светлые брови «домиком» делали выражение его лица наивно-грустным, как у Пьеро. Он был одет в пиджак и брюки серого цвета, и белую рубашку. Из багажа при нем был лишь небольшой черный чемодан на колесиках и коричневый кожаный портфель.

Мать держала в руках букет лилий. При виде сына в ее глазах блеснули слезы радости. Отец первым сделал шаг ему навстречу. Обняв молодого человека, он произнес:

– Добро пожаловать домой, Олег.

В машине всю дорогу от аэропорта домой мать, не умолкая, расспрашивала о самочувствии, последних событиях в Британии, еще о чем-то, хотя всего за день до приезда они разговаривали по видеосвязи, и она прекрасно знала все, что происходило с ним за границей. Олег делал скидку на ее немного суетливый и навязчивый характер, и потому в который раз терпеливо пересказывал ей все.

Черный автомобиль, за рулем которого был отец Олега Эдуард Яковлевич Лалин, свернул на дорогу, ведущую к их дому.

Когда-то Эдуард Яковлевич окончил Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации и был по специальности летчиком. Он еще с детства мечтал посвятить себя этой профессии, как его дед, Иван Лалин, военный летчик, на счету которого за четыре года, которые длилась Великая Отечественная война, было более пятисот боевых вылетов и сто шестьдесят семь сбитых самолетов противника. Маленькому Эдуарду бабушка Екатерина Степановна, появившаяся на свет в деревне под Смоленском и сама с двадцати лет летавшая на легендарном биплане У-2, часто рассказывала, как впервые встретила его деда. Она попала в госпиталь с легким ранением плеча, и однажды, выйдя из душного, пропитавшегося запахом лекарств, помещения на улицу, увидела, как молодой сероглазый летчик с забинтованной головой сидел на пенке и читал Шолохова. Познакомившись тогда, второй раз они встретились только через три года в Берлине, где в мае 1945 года написали свои имена на стене Рейхстага. И больше не расставались сорок шесть лет, до самой смерти Ивана Алексеевича. Эдуарду тогда было уже почти тридцать, и дед очень гордился его успехами в летном деле.

Летчиком отец Олега все-таки стал, но уже прошло несколько лет, как он решил уйти из этой профессии, и сейчас Эдуард Лалин предприниматель. У него довольно процветающая фирма.

Мать Олега, Анна Ивановна, красивая женщина с синими глазами и каштановыми волосами, всегда уложенными в аккуратную прическу, была младше отца на четыре года. Она работала заведующей неврологическим отделением городской многопрофильной больницы.

Задремавший Олег проснулся, когда машина остановилась у дома. Здесь прошло его детство. Блестящий черный рояль посреди огромного зала... Когда-то именно за ним мальчик час за часом репетировал концерты, симфонии, романсы всемирно известных композиторов. На миг ему захотелось вновь почувствовать себя ребенком – стеснительным и молчаливым пареньком, родители которого, заметив маленькую искру таланта, решили разжечь пламя – сделать из него известного пианиста. Теперь он и есть талантливый пианист-виртуоз, дипломант и лауреат многих конкурсов, гордость родного города, или просто сын богатых родителей, решивших реализовать свои мечты и слепить из своего ребенка идеал. И что будет, когда они узнают, что их мечта вот-вот рухнет, он не мог даже представить...

Семья расположилась на кожаных диванах в просторной гостиной. Внутри дома мало что изменилось после последнего приезда Олега. Интерьер комнаты был выполнен в кремовых и шоколадных тонах. Дополняли уютное убранство настоящий дровяной камин и шикарные французские шторы, попавшие в наше время из эпохи барокко. Такие шторы раньше украшали королевские банкетные залы и спальни аристократов.

Олег поднялся в свою комнату, чтобы переодеться с дороги. Он с самого утра чувствовал боль в висках. Видимо, повлияла смена часовых поясов и невозможность полноценно выспаться. Он всегда тяжело переносил перелет. Проходя через светлый зал с огромными окнами, где стоял рояль, молодой человек подошел к инструменту и задумчиво провел рукой по крышке. Он не чувствовал радости от возвращения домой, и это его угнетало. Олег старался перебороть в себе нарастающее чувство раздражения, которое появлялось всегда, когда он видел, как

старательно его родители стремятся продемонстрировать свой достаток и положение в обществе. Ему был чужд подобный снобизм. Он часто испытывал неловкость и даже стыд, когда видел, с каким усердием мать подражает аристократам, и стремится продемонстрировать свою сомнительную причастность к представителям элиты. Такая манера поведения не только у его родителей, но и у многих разбогатевших людей иногда забавляла Олега, а порой приводила его в бешенство. Он был убежден, что внутреннее благородство дается человеку от природы, а жалкие попытки подражать поведению высшего общества всегда выглядят смешно и неестественно. К сожалению, людей с претензией на принадлежность к высшим социальным слоям и искренне считающих себя интеллектуалами в последнее время появляется все больше и больше.

Оказавшись в своей комнате, молодой человек быстро принял душ, переоделся в джинсы и черную водолазку и спустился вниз. Ему предстоял непростой разговор с родителями, и затягивать с этим не стоило.

– Пап, мам, присядьте, – сказал Олег. В его голосе чувствовалось легкое волнение. – Нужно поговорить. Хочу сразу сказать, чтобы расставить все точки над *i*.

– Что случилось? – с легким беспокойством спросила Анна Ивановна.

Отец лишь вопросительно взглянул на сына.

– Я решил бросить музыку. Пойду служить в армию.

## Глава I

*Август 2018 г.*

Было ли ей страшно? Да! Очень! Она испытывала тошнотворный животный страх за собственную жизнь. В голову лезли разные дурные мысли о сексуальном рабстве и пересадке органов. Ни один из телефонов, как назло, не отвечал. А потом и вовсе разрядился мобильный. Не удивительно, ведь она всегда использовала его в качестве диктофона. Сегодня, кстати, тоже. Перед тем, как экран устройства замигал, готовясь выключиться, мелькнула мысль все же вызвать полицию. Но как она объяснит, где находится? Кричать? Звать на помощь? Это тоже пугало. Закричать – значило признать, что она в беде. А Мила еще надеялась, что все происходящее – просто какое-то недоразумение.

Об ужасе ситуации девушка старалась не думать. Нельзя было давать волю своей слабости, иначе трезво рассуждать уже не получится. И так душили комком подступившие к горлу слезы.

Вообще даже самые трусливые и нерешительные люди в подобных ситуациях часто проявляют удивительную силу характера. А Литвинова была далеко не из пугливых.

Ей, конечно, говорили, что журналистика – опасная профессия, особенно если она связана с политикой. Но за четыре года работы в городской многотиражке ничего опасного с ней не случилось. В подобную передрагу Мила попала впервые. Именно это было первым, о чем она подумала, когда открыла глаза и обнаружила себя прикованной наручниками к батарее на чьей-то незнакомой кухне. Как банально – удар по голове, потеря сознания, наручники на запястье... Просто триллер какой-то!

Где она, что с ней случилось? Спросить не у кого, поскольку в квартире было пусто. В полном неведении прошло несколько часов, прежде чем в замке повернулся ключ, открылась входная дверь, и послышались мужские голоса, один из которых заставил Милу застыть в изумлении.

– Вот, девку поймали. Ходила по больнице, что-то у пациентов выпрашивала. Точно засланный казачок! Хм... казачка, – говорил невысокий коренастый брюнет, входя в кухню и кивая в сторону Милы.

Следом за ним шел статный широкоплечий блондин очень приятной наружности, при виде которого у девушки округлились глаза.

– Ты? – воскликнула она.

Мужчина тоже замер в дверях и глядел на нее с возрастающим возмущением. Это был Олег Лалин, оперуполномоченный уголовного розыска и ее бывший муж, с которым она... Хотя нет, пожалуй, нужно начать с самого начала.

Про больницу следует рассказать подробнее. Владелец газеты, в которой работала корреспондентом Мила, решил баллотироваться в депутаты городского совета. Его основным конкурентом по округу оказался главный врач местной больницы. Чтобы скомпрометировать служащего Гиппократы, шеф поручил Миле собрать на него компромат и написать об этом материал. Ходили слухи, что в больнице с пациентов дерут деньги за любую процедуру, хотя, как известно, медицинское обслуживание в нашей стране абсолютно бесплатное. Конечно, ни для кого не секрет, что такие поборы есть в каждом лечебном учреждении, но Миле следовало очернить именно указанного главврача, вот она и старалась. Как выяснилось, у конкурента тоже команда не лыком шита. Ее не только легко вычислили, но и обезвредили. И кто знает, что теперь будет с ней дальше...

– Дайте воды, – эти слова были произнесены настолько жалобным тоном, что ее саму, ту еще горячку, передернуло.

Пить, на самом деле, хотелось просто адски. Но ощутила девушка это только теперь, когда выяснилось, что не так страшен черт, как она себе намалевала. Раньше потребности организма заглушал страх, и все мысли были направлены на то, чтобы отсюда выбраться.

Коренастый молча подал ей стакан воды.

– Ты тоже мент? – Мила решила использовать классическую тактику «лучшая защита – нападение» и пошла в наступление первой.

– Тоже, – ответил брюнет, ничуть не оскорбившись на «мента». – А ты что, Олега знаешь? Журналистка собиралась что-то ответить, но Лалин грубо сказал:

– Немного знакомы.

Мила опешила, а брюнет хмыкнул, видимо, по-своему трактуя этот ответ.

– А зачем вы меня приковали? – возмутилась девушка.

– Ну ясное дело, зачем. Чтоб не сбежала.

– А я думала, вы меня на органы разберете, или в рабство продадите.

– Мадам насмотрелась криминальных сериалов, – опять заржал коренастый.

Он отстегнул наручники.

– Теперь выкладывай, как зовут, на кого работаешь, что делала в больнице? – это уже звучало как допрос.

Мила насупилась. Она решила не отвечать. Брюнет выжидающе постучал пальцами по столу. А бывшего супруга, кажется, вовсе не интересовало, что она ответит. Он с равнодушным видом курил и смотрел в окно.

Поскольку пауза затягивалась, Лалин все же решил ее нарушить.

– Меланья Романовна Литвинова ее зовут, – холодно сказал он.

– Ого, а вы и правда близко знакомы! Ну и имечко!

Мила бросила на брюнета испепеляющий взгляд и демонстративно отвернулась. Комментарий на тему ее имени девушка не переносила.

– Ладно, без шуток, – теперь брюнет был серьезен, даже угрожающе серьезен. – Рассказывай.

Журналистка не промолвила ни слова.

– Я повторяю – шутки закончились.

– Бить меня, что ли, будете? – осведомилась Мила. – По какому праву вы вообще меня тут удерживаете?

Она поняла, что никакой опасности ей не угрожает и решила, что пора отсюда выбираться. Хотя, может рассказать им все? Не так уж крепко она держалась за свою работу. Тем более, после вчерашней планерки.

Мила в который раз прокрутила в голове те события. Новая заместительница редактора появилась пару месяцев назад, и они с Милой не сработались от слова совсем. Та постоянно критиковала все материалы, которые писала девушка, так и норовя унизить ее перед шефом. А на злосчастной планерке и вовсе во всеуслышание заявила, что Литвинова не развивается как профессионал, и сама она в возрасте Милы уже была редактором. Выходит, у девушки нет карьерных амбиций, таланта и вообще желания работать. Тем не менее, шеф выбрал именно ее для выполнения столь ответственного поручения.

Коллеги недолюбливали склочную «замшу», поэтому поддержали Милу. Спортивный обозреватель Илья, выходя из кабинета руководителя, с улыбкой проговорил:

– Ну вот, виновные отчихвостены, ленивые пристыжены. Начинаем работать с новыми силами, – и подмигнул Миле.

И все равно на душе было скверно. Девушка знала себе цену как журналисту, и поэтому эти несправедливые придирки выводили ее из себя.

... Так вот, не то, чтобы Мила молчала из-за своей верности шефу. Она не хотела говорить из-за Олега. Тот сейчас выглядел чересчур равнодушным и высокомерным. Даже не взглянул на нее толком, хотя почти два года не виделись. Поэтому помогать ему уж точно не возникало желания.

– А с каких это пор полицию интересуют посетители городской поликлиники? – поинтересовалась Мила. – Какая разница, что я там делала? И это законно вообще – бить девушку по голове и тащить ее куда-то?

– Никто тебя не бил, – недобро засмеялся брюнет. – Ничего не докажешь. Да и мы всегда сможем отмазаться.

– Это понятно, вы ведь мусора, – презрительно выпалила Мила, чтобы посильнее задеть.

– Так, кукла, ты надоела! – он встал и приблизился. – Нос сломать?

Олег бросил в его сторону короткий взгляд, но остался неподвижен.

– Хамка! – продолжал возмущаться его коллега.

– О, простите, милостивые государи, что посмела столь дерзко с вами говорить, – съехидничала журналистка.

– Да вы благородных кровей, мадам! – усмехнулся, паясничая, гораздо более разговорчивый, чем коллега, брюнет. – А я не представился по всем правилам этикета. Граф Бражинский, более известный в узких кругах как Андрей Брага. С князем Лалиным вы, как выяснилось, знакомы.

Он шаркнул ногой и почтительно склонился, подражая героям исторических кинофильмов. Мила заметила, как скривились в недовольной гримасе губы Олега. Эти препирательства продолжались около получаса, и Лалин вдруг, затушив очередной окурочок, объявил, что ему пора уходить. «Чтооо? – Мила возмущенно глядела на бывшего мужа. – Неужели ты оставишь меня с этим?»

Но Олег то ли не заметил, то ли не понял. Пока Лалин надевал куртку и выходил в подъезд, Андрей сверлил Милу взглядом. Конечно, он видел ее бледные губы, прямой нос, брови, придававшие ей чуть надменное выражение, темно-карие завораживающие и пронзительные глаза. И едва заметный тонкий шрам слева возле глаза, который тянется от виска к щеке. В ее лице было что-то утонченное и изысканное. Это подчеркивало и серое платье рубашечного покроя, и подвернутая французская коса, в которую были заплетены темные волосы, и серебряная цепочка с небольшим аккуратным кулоном в виде цветка лилии, и изящные часики на узком запястье. Очевидно, что барышня не робкого десятка. Другая бы на ее месте уже заливалась слезами.

Лалин отчего-то сегодня был совсем не в духе. Сам это заметил. Когда спускался по подъезду, между вторым и третьим этажом какие-то два парня не очень интеллигентного вида попросили у него сигаретку, но, наткнувшись на острый взгляд светлых глаз, быстро отвязались. Олег вышел, остановился, чтобы прикурить. Черт, надо бросать! Тошнит уже от курева. Еще и эта дамочка окончательно настроение испортила... Неожиданная встреча с бывшей женой его совершенно не обрадовала.

Лалин совсем недалеко отошел от подъезда их консперативной квартиры, когда его чуть не сшибли с ног. В плечо сильно кто-то ударился. Мужчина оглянулся и обомлел: это была Мила, только совсем не такая, какой он ее только что видел. Волосы выбились из прически, пуговицы на платье частично оторваны, словно ткань резко потянули, возле локтя намечался немалый синяк, а на скуле алел след от удара. В глазах девушки ясно читалась паника.

– Что... – Лалин запнулся, – случилось?

\*\*\*

*Лето 1944г., Латвия, Латгалия*

Зарево от догорающего самолета ДБ-3ф еще было видно за деревьями, но его экипаж все дальше уходил от погибшей железной птицы. Только рядовой Максим Чижов по прозвищу Чиж, несколько раз оглянулся и хмуро посмотрел в том направлении.

Темнело. Четверо солдат под командованием летчика-пилота, капитана Ивана Лалина, после воздушного боя с немецким мессершмиттом вынуждены были десантироваться на поле, окруженном со всех сторон лесом. В округе не было видно ни одного дома. Рыжий, круглолицый стрелок Алексей Михайличенко, поломал ногу при десантировании, и его пришлось нести на самодельных носилках. Несли крепкий широкоплечий Лалин и самый молодой из членов экипажа стрелок-радист Чижов. Штурман, высокий пожилой солдат Иннокентий Куров шел по тропинке впереди.

– На поле гречиха в самом цвету. Кто-то ж ее посеял. Значит, поблизости поселок или деревня должны быть, – рассуждал он.

– Товарищ капитан, а что, если фриц вернется? – спросил Чиж.

На его еще почти совсем мальчишеском лице появилось выражение недоумения. Это был его третий боевой вылет, и впервые смерть оказалась так близко.

– Он думает, что сбил нас. Так что не вернется, – уверенно ответил Лалин.

– Жаль, что ушел! Еще б немного, и мы его... Кто-то уже бывал в этих местах? – снова подал голос Максим.

Все молчали. Нужно было разобраться, где они находятся, и выйти к позициям своих. А для начала хотя бы найти ночлег и чего-нибудь поесть. Кроме того, Лалин раздумывал, как подать своим весточку, что они все живы. А еще думал, что теперь будет без него в полку, кого назначат командовать эскадрильей...

– Эх, как бы не пришлось в лесу под открытым небом ночевать, – пробурчал Куров. – Винтовка или ППШ не помешали бы.

Стали рассуждать, далеко ли ближайший город, в какой стороне Режица[1], захваченная фашистами, по позициям которых они и должны были нанести удар. Постепенно разговор свелся к обсуждению семей, воспоминаниям о родных. Каждый переживал, как бы матери или жене похоронку не принесли, ведь никто же пока не знает, что они спаслись.

– Мать не переживет, – вздохнул Чиж. – В прошлом году на старшего брата Митьку похоронку пришла, так она долго сама не своя ходила.

– А у меня жена, двое взрослых сыновей тоже на фронте, – заметил Куров.

Лалин молчал, но все сослуживцы знали, что и его есть кому оплакивать в случае чего. Молодой капитан после того, как выписался из госпиталя, стал часто письма писать, и судя по всему – женщине. Между собой солдаты нередко шутили на тему того, что сердце их сурового командира наконец-то кто-то покорил.

Так брели еще примерно около часа, когда вышли на просеку, а по ней на небольшую поляну.

– Смотрите, баба! – воскликнул штурман, указывая вперед.

В сумерках, да еще и среди деревьев трудно было что-то разглядеть. Но присмотревшись, Лалин заметил нечто белое, мелькнувшее за кустами. Оказалось, это коза. Хозяйка животного, девушка лет семнадцати, со светлыми, как пшеница, волосами, оказалась там же. Латышка присела у ствола дуба, видимо, решив спрятаться. Иван ее окликнул, и она вышла.

Лалин опустил носилки, а затем, одернув гимнастерку, поправив португепю и широкий командирский ремень, представился. Девушка молчала, перебирая тонкими пальчиками волосы в косе.

– Как вас зовут? – спросил Иван. – Вы понимаете по-русски?

Она кивнула.

– Я Илга, – ответила почти на чистом русском. – А вам здесь нельзя быть! Здесь кругом немцы. У нас всех коз угнали, вот одну оставили.

Солдаты переглянулись.

– Ешкин-крошкин... – тихо выругался Куров.

[1] Рэзекне (до 1893 года – Розиттен, до 1917 и в 1944—1945 годах официальное название Режица – седьмой по величине город в Латвии. «Сердце Латгалии»). Город, построенный на семи холмах. Находится в 50 км от границы с Россией.

## Глава II

В кабинете было, как обычно, накурено. Уже совсем стемнело, когда Олег вернулся от начальства. В окне виднелись огни соседних домов и офисных зданий.

– Везет тебе, Лалин, уходишь из этой дыры в нормальное место, – заметил Андрей Бражинский, откинувшись на спинку компьютерного кресла. – Хорошо хоть в этом охранном холдинге платят?

– Нормально. Я не из-за денег уйду. Просто тут все достало.

«Конечно, не из-за денег, – с завистью подумал Андрей. – Родители с финансами помогут, если что».

На самом деле, Олег давно решил уйти из полиции. Детская мечта стать военным так и не осуществилась. Шел в уголовный розыск, как юноша-романтик, надеясь, что будет приносить пользу людям. А на самом деле одна грязь тут, и виноват всегда тот, у кого нет денег и связей. Поэтому решил уйти в крупный охранный холдинг «Кордон безопасности». Тем более, давно переманивали. В данной структуре работали только специалисты, имеющие опыт службы в спецподразделениях. Холдинг активно сотрудничал с силовыми структурами, специализировался на вооруженной и физической охране, охране собственности, сопровождении грузов, предоставлении юридических услуг, монтаже и обслуживании систем видеонаблюдения, и многом другом. В общем, контора была очень серьезная. Олегу уже доводилось оказывать им профессиональные услуги. Так и познакомились. Вот предложили должность начальника отдела вооруженной охраны, и он согласился.

– Ладно, на чем я там остановился... Короче, ты как ушел, она все мне и выложила про свое журналистское задание, – продолжил свой рассказ Андрей, сидя на столе, среди гор папок и документов. – Я и подумать не мог, что в подъезде на нее какие-то гопники нападут, а то б проводил.

Как выяснилось, они ошиблись, задержав журналистку. В поликлинике сотрудник полиции в штатском выслеживал нелегального распространителя сильнодействующих медикаментов, о котором уже поступало несколько сигналов. Вот и посчитал Милу подозрительной. А то, что не очень законные методы, с помощью которых проворачивали подобные операции, теперь известны представителю прессы, Олегу не нравилось. Но Мила, когда он отпаивал ее, напуганную, чаем в кафе, пообещала не совать нос в их дела, в свою очередь, потребовав аналогичного обещания.

– Так откуда ты ее знаешь?

– Кого? – Лалин отвлекся от своих мыслей и поглядел на коллегу.

– Ну эту Литвинову.

– Не важно.

– Расскажи!

– Брага, отвали.

Андрей явно хотел выведать, в насколько близких отношениях состояли его друг и журналистка.

– Кстати, как там Натали? Что-то давно она к тебе сюда не заходила, – вспомнил он про нынешнюю пассию Олега.

– Нормально. Ничего нового, – Лалин явно был не расположен откровенничать.

Андрей принялся насвистывать мотив известной старой песни «Бестия моя знойно рыжая». Олег недовольно покосился на этого шута, но промолчал. Наталья действительно имела роскошные рыжие волосы, так что понятно, кому был посвящен сей бездарный вокальный номер.

– Пошли сегодня по пивку.

Лалин отрицательно покачал головой, глядя в монитор.

– Скучный ты, – вздохнул Бразинский. – А я думал, расскажешь, как к журналистке подход найти.

Олег нахмурился, и уже собрался было послать друга, но на столе зажужжал черный айфон, экран которого оповестил о том, что звонит мать. Лалин взял трубку.

– Здравствуй, сынок. Как ты? – Анна Ивановна, не дождавшись ответа, сразу перешла к делу. – Приезжай сегодня к нам. Отец разбирал старые документы и нашел целую пачку писем твоего прадеда.

Родители знали, что Олега очень интересуется история его семьи, особенно судьба прадеда Ивана Алексеевича.

– И Алечка будет, – добавила мать.

Лалин закатил глаза. Пожалуй, это и было главной причиной, чтобы его пригласить. Мать все мечтала женить его на дочери лучшего друга отца Алевтине – избалованной, капризной блондинке, недавно окончившей юридическую академию.

– Ладно, приеду, – бросил Олег.

Все-таки ради писем прадеда он готов был один вечер изображать послушного сына.

...Из колонок тихо лились звуки красивой песни на мотив танго. Мила набирала на компьютере текст интервью с художественным руководителем местного музыкально-драматического театра. Но неожиданно эта идиллия была нарушена.

– Литвинова, там на общую почту на твое имя пришло письмо из Латвии.

Мила подняла глаза от монитора компьютера и посмотрела на шефа.

– Из Латвии? – переспросила она, подозревая, что ослышалась.

– И выключи музыку. Сколько раз говорил, чтоб на рабочем месте музыку не слушали! Зайди ко мне.

Журналистка встала, взяла блокнот и поплелась за руководителем в его кабинет, уже предвкушая очередной «взрыв мозга».

– А почему этот латыш мне написал, и вообще, у них там своих журналистов, что ли нет? – спросила Мила, прочитав письмо.

Оказалось, какой-то латвийский преподаватель решил заняться изучением истории рода и хочет раскопать все возможные сведения о своем деде, который в годы Великой Отечественной войны являлся известным врачом, и прятал у себя советских солдат, за что был расстрелян немцами.

– Он же вот пишет, что читал в сети твой материал о расстреле мирных жителей нашего города и ему понравился подход. Я так понял, что за твой приезд в Латвию и расследование тех событий он готов платить. Так что, Мила, вижу, дорога дальняя тебе предстоит.

– Да уж, карты правду говорят, – вздохнула девушка. – Ладно, сейчас свяжусь с ним, узнаю подробнее, чего хочет.

На своем рабочем месте журналистка внимательно перечитала письмо.

«Здравствуйте, Мила! Мой племянник на днях нашел запись в блоге (далее следовало название статьи Милы о расстрелянных в годы войны жителях ее родного города и дата публикации). В нем под материалом приведено Ваше имя. Хотелось бы попросить Вас собрать подобный материал о моем деде Янисе Юрьянсе. В годы войны он проживал близ города Резекне и работал врачом. Был расстрелян за укрывательство советских солдат. Более подробные известные мне сведения я Вам сообщу, если Вы согласитесь мне помочь.

Несколько слов о себе – живу в Риге, преподаю в университете. Кроме преподавания, занимаюсь разными вещами, связанными с информационными технологиями. Отлично понимаю, что сейчас не лучшее время для исторических изысканий в Латвии. Но мне уже 74 – столько, сколько было деду, когда он погиб. Так что откладывать на потом мне дела не

стоит. Моя бабка тоже была человеком в Резекне известным, руководила музыкальной школой. Умерла незадолго до смерти деда, в мае 1942 года.

Буду признателен за помощь. Все финансовые расходы беру на себя».

В конце стояла подпись: «С уважением Айварс Юрьянс».

Девушка на несколько минут задумалась, после чего принялась уверенно набирать ответ. Затем она открыла Википедию, ибо все познания Милы о Латвии ограничивались тем, что ее столицей является Рига.

«Резекне – город на востоке Латвии, седьмой город страны по населению. Является административным центром Резекненского края. ... Освобождение Резекне – часть Режицко-Двинской операции, в ходе которой 27 июля 1944 года войсками 2-го Прибалтийского фронта был освобожден город Резекне – стратегически важный железнодорожный узел, оккупированный немецкими войсками 4 июля 1941 года.

Вторая мировая война уничтожила почти все здания главной на тот момент улицы Резекне – Большой Лютинской, а также большинство храмов и административных зданий. Фактически город был разрушен. Свыше 15 тысяч мирных жителей Латвии, в том числе и резекненцев, были расстреляны недалеко от границы города – в лесном массиве Анчупаны».

– Милка, поздравляю с первой командировкой за границу, – бросил, выглянув из-за своего монитора, Илья.

– Хочешь, уступлю тебе эту поездку? – спросила журналистка.

– Не-не, я со своими голами и штрафными лучше тут останусь.

О той передрыге, в которую угодила, выполняя задание по дискредитации политического конкурента, Мила никому рассказывать не стала. Такого ужаса натерпелась, пока сидела прикованная наручниками, и потом, когда на нее напали в подъезде, что не хотелось вспоминать. Тем более что эти воспоминания были связаны с Олегом. Такое ощущение, что все значимые события в ее жизни связаны с ним. Вон даже загранпаспорт у нее есть благодаря ему! Когда-то его родители подарили им на свадьбу поездку в Египет.

\*\*\*

В темноте было трудно разобрать, как выглядит двор. Какие-то бесформенные темные груды, видимо, являлись хозяйскими постройками, сараями или чем-то подобным.

– Илга, это ты? – послышался из глубины дома довольно низкий мужской голос.

Иван почему-то подумал, что такой голос мог бы принадлежать певцу или священнику.

– Да, дедушка, – ответила девушка.

Шепнула солдатам, чтобы ждали здесь, и скрылась в доме. Несколько минут ожидания в полной тишине, казалось, тянулись бесконечно. Даже Алексей не стонал из-за перелома. В ночи хорошо слышно было стрекотание сверчка. Наконец послышались шаги, заскрипели разошедшиеся половицы, и на крыльцо вышел рослый седой мужчина с аккуратной бородой и в очках, державший в руке керосиновую лампу. Он обвел солдат взглядом.

– Быстро заходите, нечего во дворе торчать, – бросил он тоном человека, привыкшего командовать.

В доме расселись за большим круглым столом, в центре которого трепетала огоньком та же керосинка. Лишь Илга присела в сторонке – на скамью у стены. Иван как командир представился и назвал имена остальных. Хозяин тоже назвал себя – Янис Юрьянс.

– Мы понимаем, какой опасности вас подвергаем. Поэтому утром уйдем. Нам бы обработать рану нашего товарища и наложить шину.

– Помощь окажу, – произнес старик.

– Дедушка врач! – заметила Илга.

Она сидела, теребя тонкими пальчиками косу и то и дело стреляя глазами в сторону молодого светловолосого капитана.

Старик уточнил, что он хирург. Рассказал, что сейчас приходится не только оперировать, но и оказывать любую медицинскую помощь, поскольку врачей практически не осталось.

– Куда вы пойдете? – нахмурился доктор. – Немцы кругом. Да еще и с раненым. У нас много места на чердаке и в подвале. Сарай пустой стоит, скотину ведь угнали. Там в сене можно укрыться в случае чего.

– Нет, – Лалин отрицательно покачал головой. – Мы не можем подвергать вас и девушку такой опасности. Нам нужно пробираться к своим. Опишите мне местность, вы ведь наверняка все тропы в округе знаете.

Янис предложил ночным гостям квас, вареную картошку и немного хлеба, а сам принялся осматривать раненого.

Илга помогала, но потом дед отправил внучку спать:

– Нечего тут крутиться и разговоры мужские подслушивать.

Когда девушка все-таки ушла в другую комнату, Янис сказал:

– Это дочь старшего сына Андриса. Сам он воюет, а невестка умерла в родах. Еще младший сын есть, Эжен. Он у меня инженер. Когда немцы наступали, их завод эвакуировали на север. Вот мы вдвоем с внучкой и живем.

Дом, в котором жили врач с девушкой, стоял на отшибе, поэтому жители не догадывались о появлении советских солдат. Это было к лучшему, поскольку в Латвии встречались разные настроения, кто-нибудь мог и немцам сообщить.

На рассвете Лалин, уже переодевшийся в обычную крестьянскую рубаху и штаны, вышел на крыльцо. Солнце еще только чуть окрасило в розовый цвет небо на востоке. В поселке было тихо, словно все вымерли. Даже собаки и петухи молчали. Хотя, какие там петухи – почти всю живность фашисты изъяли.

Оценивающим взглядом капитан окинул двор – покосившиеся сараюшки, собачья будка, старый колодец... С виду все было так же, как у него на родине. Он ведь и сам из деревни. На миг задумался о матери, которую не видел уже несколько лет, затем – о Катерине. Увидятся ли еще? Но потом мысли снова вернулись к реальности – нужно было думать, как выпутываться из этой истории и ребят выручать, за которых чувствовал ответственность.

Думал, все еще спят на лавках, но вдруг услышал шаги, и на пороге появился Куров. Взъерошенный спросонья и небритый, он был мрачен и задумчив. Молча кивнул капитану. Здесь не до соблюдения армейской дисциплины. Тем более Куров был гораздо старше и порой даже по-отечески давал Ивану советы. Немного постояли в тишине, и Лалин повернулся к двери.

– Пойдем, а то мало ли что.

– Я вот что думаю, товарищ капитан, наш хозяин врач. Значит, немцы зовут его своих раненых лечить...

– Наверное.

– Как бы он того...

Капитан понял, что тот хотел сказать, но промолчал, хмуро глядя на верхушки деревьев видневшегося за воротами леса, выбросил окурочек и пошел в дом.

## Глава III

Рига встретила Милу не очень дружелюбно – ливнем и грозой. Самолет успел приземлиться до того, как на город обрушилась стихия. Но едва журналистка прошла паспортный контроль, послышался гром, а затем шум дождя. К счастью, уже Милу ожидали.

Садясь в машину, девушка отметила, каким вежливым и обходительным оказался встретивший ее молодой человек. На вид ему было примерно столько же лет, сколько и ей. Кристап прекрасно говорил по-русски, но латыша в нем выдавал легкий акцент. Он должен был доставить журналистку в гостиницу, а вечером привезти в ресторан, где ее будет ждать Айварс Юрьянс.

– Вы впервые в Латвии? – поинтересовался мужчина, поворачивая ключ зажигания.

Мила поглядела в окно, наблюдая, как мимо проплывает рижский аэропорт.

– Да, впервые, – ответила она.

К слову, если не брать в расчет погоду, Латвия девушке очень понравилась. Перед поездкой многие коллеги и знакомые пугали ее предвзятым отношением латышей к русским, но пока все, кого она встретила здесь, были очень приятными людьми.

Мила попросила Кристапа рассказать ей о Риге, и он с готовностью согласился.

– Смотрите, мы как раз проезжаем старый рижский аэропорт. Вам наверняка будет интересно его история.

Девушка снова посмотрела в окно и увидела великолепное старое здание, похожее на запущенный, но все еще хранивший остатки былой роскоши дворец. Оказалось, это было самое красивое здание аэропорта, построенное в советское время. Настоящий памятник той эпохе в Латвии, вероломно предавшей все советское забвению.

Первая воздушная гавань Риги была построена в 1954 году в стиле сталинского ампира. Интерьер здания убранством действительно не уступал дворцам. Много лет именно здесь встречали мировых звезд и первых лиц государств. Фасад даже мелькал в кинофильмах! Но сегодня здание выглядело плачевно.

– Я словно в Советский Союз попала, – заворожено произнесла Мила.

Кристап нарочно притормозил у старого рижского аэровокзала, давая возможность девушке полюбоваться им. Если бы не дождь, Мила точно предложила бы выйти и прогуляться здесь. Рига все больше нравилась ей!

– Если хотите, приедем сюда завтра и даже зайдем внутрь. Раньше там были роскошные люстры, мраморная облицовка, ковры, а потолки расписаны орнаментом. Сейчас, конечно, остались лишь отголоски той красоты.

– Все равно будто на открытку смотришь.

– Здесь еще очень много красивых мест, – улыбнулся мужчина.

Мила опомнилась и приняла серьезный вид. Не хватало еще, чтобы этот латыш принял ее за глуповатую провинциалку, ничего в жизни не видевшую.

Больше ничем особенным поездка до гостиницы не поразила девушку. Вечером она надела деловое платье, уложила волосы и спустилась вниз. Мила выглядела строго и не вызывающе, но женственно. Ее уже ждал Кристап. От девушки не ускользнул его заинтересованный взгляд, но она сдержала улыбку. Важно было показать, что она профессионал своего дела и вообще серьезный человек.

Айварс Юрьянс оказался совсем не таким, каким она себе его представляла. Это был не стареющий педагог, а скорее молодящийся бизнесмен. Довольно стройный, седой, с аккуратной бородкой и в очках для зрения со слегка затемненными стеклами он выглядел очень респектабельно.

По пути Кристап рассказал ей, что Юрьянс является его бывшим преподавателем, а ныне начальником.

– Добрый вечер, Милочка, – произнес Айварс, галантно отодвигая перед ней стул. – Я очень рад, что мы с вами наконец-то познакомились лично.

– Я тоже, господин Юрьянс, – ответила Мила.

– О, не надо этих «господ». Я человек советской закалки, терпеть не могу модного нынче европейского снобизма. Давайте просто по имени.

– Хорошо.

– Сначала сделаем заказ, а потом спокойно поговорим.

Мила согласно кивнула и принялась листать меню.

– Советую выбрать что-нибудь из традиционной латышской кухни, – тоже изучая меню, заметил Юрьянс. – И конечно, «Рижский бальзам».

Мила решила, что это шутка.

– Тогда уж точно я попаду в СССР. Не страна, а машина времени какая-то.

Мужчина поглядел на нее вопросительно.

– Просто ваш Кристап сегодня рассказывал мне историю рижского аэропорта.

– А, да, он любитель истории. Тем более история Союза – тема занятная. Вы ведь родились намного позже распада?

Мила кивнула.

– А насчет бальзама я не шутил. В кофе или мороженное добавляют. Вкуснятина! И для здоровья полезно, ведь в его состав входит двадцать четыре ингредиента, включая бренди, мед, малиновый сок, черничный морс, бруснику, имбирь, корень генцианы, зверобой, липовый цвет, березовые почки, мяту и много еще чего.

Юрьянс как-то не спешил говорить о вопросе, насчет которого журналистка приехала. Дальше завел разговор о профессии Милы и о том, какой она хороший специалист.

– Вы просто мастер своего дела. Я нашел в сети несколько ваших материалов, прямо зачитывался. Ваши родители, наверное, вами гордятся.

– У меня нет родителей, я сирота, – сказала девушка.

Брови латыша поползли вверх, а затем резко рухнули и встретились на переносице.

– Извините, не знал. А как же вы умудрились получить такую профессию?

– Думаете, для человека, воспитывавшегося в детском доме, это недоступная роскошь? Я просто поступила на бюджет. Училась и одновременно работала в газете. Потом вышла замуж, а когда развелась, уже многого сумела достигнуть в своем деле и теперь вполне обеспечиваю себя сама.

– Вы уже и замужем были? – Юрьянс почему-то казался неприятно удивленным. Неужто он ее непорочной барышней считал? – Вот вы, молодежь, скоропалительно женитесь и разводитесь. В наше время вступление в брак было делом серьезным, а разводы вообще были большой редкостью.

Мила молчала, не желая комментировать тему своего замужества. Ей вообще было неприятно, что позволила коснуться ее личной жизни и сиротства.

– И что же, у вас совсем нет близких? Извиняюсь за любопытство.

«Если сам понимаешь, что твои вопросы неприятны, зачем задаешь?» – возмущенно подумала девушка, но ответила вежливо.

– Есть. Это руководитель нашего детского дома. Мы до сих пор общаемся. Он дал многим воспитанникам свои отчество и фамилию, некоторым даже стал крестным.

– Очень благородно, – заметил Юрьянс.

Настроение Милы, словно ртуть в градуснике при похолодании, неуклонно скользило вниз. Зачем она сказала о том, что сирота? Можно ведь было как-то уклончиво ответить, сменить неприятную тему.

Это случилось еще в 1998 году, когда ей было пять лет. Тогда декабрьская ночь полностью завладела городом, а в одиноко стоявшем на окраине частного сектора старом покосившемся доме – излюбленном месте местных алкоголиков и прочего сброда, – произошла пьяная ссора, переросшая в драку. У кого-то в руке блеснул нож. Спустя секунду молодая цыганка схватилась за бок и хрипло застонав, сползла по стене на пол. Растрепанные темные волосы упали на лицо. Между пальцами сочилась кровь. Маленькая Мила сидела в своей кроватке и безмолвно смотрела в проем двери. Ей было видно, как в соседней комнате, среди беспорядка на полу лежит ее мать. Особенно почему-то врезалась в память шелковая алая юбка... И еще тогда было нестерпимо холодно... Казалось, что целый мир замедляет.

Сколько Мила просидела одна в нетопленном доме, она не знала. Пятилетнему ребенку всегда кажется, что время тянется бесконечно долго. А потом пришел какой-то мужчина. Он задавал вопросы, затем собрал ее вещи и отвез девочку в детский дом. Больше она его не видела. Но именно тогда, в пять лет, она впервые узнала, как это – по-настоящему праздновать Новый год. А на ее день рождения, тринадцатого января, Миле впервые в жизни подарили подарки – несколько мягких игрушек и конфеты от воспитателей, а также рисунки от детворы. Пожилая нянечка вручила ей тогда маленькую именную иконку и рассказала, что в этот день Православная церковь почитает память Преподобной Мелании Вифлеемской, и что эта святая – ее покровительница.

...От воспоминаний пришлось вернуться к реальности. Как раз принесли заказ и Юрьянс, беря в руки столовые приборы, произнес:

– Ну а теперь давайте перейдем к нашему вопросу. Понимаете, Милочка, – на этих словах Мила поморщилась.

Вот уже второй раз он ее так неприятно называет. Этот человек все больше начинал ей не нравиться.

– Тут такое дело... В нашей переписке я не все вам рассказал. Конечно, моя основная цель – узнать о судьбе деда. Но есть еще кое-что. В пригороде Резекне со времен войны спрятались сокровища. И к ним имеют непосредственное отношение те русские солдаты, которых прятал мой дед.

– Откуда вы знаете? – изумилась журналистка.

– Не важно, я много материалов по этой теме изучил.

– И вы хотите эти сокровища найти? А зачем вам в таком случае моя помощь?

– Открыто заниматься поисками я не могу, ведь все сокровища принадлежат государству.

– Но если они принадлежали вашему дедушке, то вы, как его наследник, имеете на них право.

– Нет, моему деду они не принадлежали. Просто он знал об их существовании. Так вот, открыто заниматься поисками я не могу, поэтому решил, что буду делать это с вашей помощью под видом сбора материалов о судьбе деда.

Мила и не подозревала, как заблестели ее глаза. Это все было действительно очень интересно! Все же этот неприятный тип ее удивил! Она и представить себе не могла, что когда-нибудь займется поисками настоящих сокровищ!

– А что это за ценности? Сокровища Гитлера? – пошутила Мила.

Мужчина усмехнулся:

– Нет, поскромнее, я думаю. Но что-то вроде того. Ценности действительно принадлежали немцам.

У девушки сложилось впечатление, что Юрьянс знает гораздо больше, чем говорит. Быть может, он вообще в курсе, где эти сокровища спрятаны? Да и как-то все это нереально. Какие еще сокровища в наше время? Серьезно к такому относиться может только какой-нибудь юный авантюрист, но никак не профессор университета. Мила старалась ничем не выдать зародившиеся в ее душе сомнения в существовании каких-либо сокровищ и даже в адекватности сво-

его собеседника. С другой стороны, что ей мешало действительно заняться исследованиями, тем более что это оплачивает сей чудак?

– У меня в Резекне есть дом. Поживете там на время расследования.

– Это неудобно, мне кажется, – с сомнением произнесла Мила.

– Ну насчет своей репутации можете не переживать, – усмехнулся Юрьянс. – Мне уже столько лет, что никому даже в голову не придет считать вас моей любовницей. Там вам будет удобно. Поживете одна, никто вам мешать не будет. Вот, тут все, что мне самому удалось собрать на эту тему.

Он передал Миле черную кожаную папку.

Дом в Резекне оказался совсем не похожим на профессорский, так же, как его хозяин – на преподавателя университета. Двухэтажный коттедж с небольшим ухоженным двором и прудиком явно мог принадлежать только человеку, живущему на широкую ногу. В гостиной Милу привлек очень красивый мягкий уголок молочного цвета. В светлом коридоре, двери из которого вели в гостиную, кухню и спортзал, стояли несколько пальм в кадках, а на стенах были развешены большие пейзажные картины с изображением водопада, леса, реки.

На втором этаже располагалось несколько спален и кабинет, он же библиотека. Наверное, быть все время одной в этом доме будет очень тоскливо. Нужно попросить Кристапа почаще заезжать в гости. Главное, чтобы он не воспринял такое приглашение, как флирт и намек на что-то большее. Хотя этот молодой человек показался Миле очень интеллигентным и эрудированным. С ним было приятно беседовать, и он наверняка мог многое ей рассказать об этой местности.

Как раз когда девушка начала разбирать свои вещи, заняв понравившуюся ей комнату, раздался звонок мобильного.

– Привет, зайчонок, ну как, устроилась?

Мила закатила глаза. Ее ужасно раздражала привычка некоторых пожилых людей так фамильярно разговаривать с молодежью.

– Да, Айварс, обустраиваюсь. Все хорошо.

– Ничего, что я на ты? Кстати, ты водишь машину?

Девушка вздохнула, потому что водить машину ее тоже научил муж.

– Да, вожу.

– Там в гараже авто моей дочери. Сама Мария учится за границей, так что машину можешь брать, ключи в ящике стола в кабинете.

«Забавно, папочка профессор, а дочь учится за границей», – подумала Мила. А вот наличие машины очень обрадовало. Прямо таки все удобства, только садись да копай информацию. Журналистка подумала, что на самом деле ей очень повезло с этим заданием.

Бумаги, переданные ей Юрьянсом, она уже изучила, поэтому Мила решила начать свои изыскания с посещения городской библиотеки и просмотра газет за сороковые годы, если, конечно, тогда тут что-то печаталось. По своему опыту она знала, что даже сейчас далеко не все можно найти в интернете. Много ценных материалов хранят старые пожелтевшие полосы газет, пылящиеся на полках библиотек. Быть может, тогда кто-то писал о человеке, укрывавшем советских солдат.

Мила обратила внимание на то, что в доме было очень чисто, в буквальном смысле ни пылинки. Здесь явно кто-то убирал. И вскоре ее предположения подтвердились – пришла девушка-домработница. Она сказала, что зовут ее Ванда, приходит убирать она будет два раза в неделю и если нужны какие-то продукты, она может сходить в магазин.

Журналистка в который раз за эти пару дней подумала, что, кажется, очутилась в сказке. И все же, Мила считала себя достаточно циничным и подозрительным человеком, поэтому все происходящее ее несколько настораживало.

Несмотря на опасения, что ей придется скучать в этом большом пустом доме, в этот день случилось кое-что неожиданное. Мила сидела за ноутбуком и шерстила интернет на предмет истории Резекне в годы Второй мировой войны, когда раздался звонок в двери. Сначала она даже немного испугалась – все-таки одна в доме, в незнакомом поселке, в чужой стране. Но снаружи оказалась женщина очень приятной наружности. На вид ей можно было дать лет пятьдесят-пятьдесят пять. Очень улыбчивая, пышногрудая, колоритная дама бесцеремонно проплыла мимо Милы в гостиную и расположилась на диване.

– Так вот какая красавица тут поселилась! – заметила женщина на чистейшем русском. – А я думаю, кто это теперь обитает в доме Айварса... Решила познакомиться. Я Анна, соседка.

– Меня зовут Мила, – отозвалась обескураженная журналистка.

– Так кто вы моему дорогому Айварсу?

– Знакомая.

Ничего себе. Дорогому? Видимо, Айварс является не только успешным бизнесменом и преподавателем, но и в личной жизни не обделен женским вниманием.

Пока пили кофе и ели принесенные соседкой булочки, Мила выяснила, что, оказывается, Юрьянс преподает в Рижском университете имени Паулюса Страдыня. Раньше этот вуз назывался Рижским медицинским институтом. Выходит, Айварс в какой-то степени тоже медик, как его дед. А писал, что занимается информационными технологиями...

Мила рассказала Анне, что готовит статью о гибели деда Айварса Юрьянса в годы войны.

– Укрывал советских солдат? – Миле показалось, что женщина искренне удивлена и даже готова рассмеяться. – И расстрелян за это? Впервые слышу! Всегда думала, что наоборот, дед Айварса работал на немцев! Уж мне-то вы можете верить, я Юрьянса лет двадцать знаю, а то и больше.

На лице девушки, жующей булочку, появилось живописное выражение разочарования и досады, которое она вовсе не пыталась скрыть.

## Глава IV

Спросить у Юрьянса прямо, был ли его дед предателем? А что, если это не правда? Тогда она жестоко оскорбит профессора. А если правда – он, скорее всего, просто не признается. Все обдумав, Мила благоразумно решила не поднимать эту тему и самой во всем разобраться.

Девушка легла поздно, до полуночи изучая материалы, собранные в интернете. В библиотеке практически ничего пока найти не удалось, а в сети попадалась лишь общая информация о положении дел на латвийском фронте в интересующий ее период времени.

Была глубокая ночь, когда Мила неожиданно проснулась. Сначала не могла понять, что ее разбудило, но через секунду осознала – собачий лай. Где-то заходила лаем собака, нарушая покой поселка. Мила некоторое время ворочалась и пыталась снова заснуть, но к неизвестной шумной четвероногой особе присоединилось несколько ее разноголосых товарок. Мысли снова крутились вокруг слов Анны. Признаться, ее отношение к Айварсу ухудшилось еще больше, хоть она и старалась убедить себя, что все это могут быть только беспочвенные слухи. Возможно даже, что кто-то просто пытается очернить память человека, помогавшего в годы войны русским воинам. Все же тяжело оставаться непредвзятой в такой теме.

Вдруг по раме окна и потолку скользнул луч света от фар. Кто это разъезжает по спящему поселку среди ночи? Все бы ничего, но машина явно остановилась у ее дома! Девушка ощутила, как бешено затрепыхалось сердце. Не следовало ей соглашаться жить тут одной! Позвонить Анне? Та на всякий случай оставила ей свой номер. Но Мила решила, что беспокоить соседку неудобно. Было чертовски страшно. Когда внизу щелкнул замок, и открылась входная дверь, у журналистки мелькнула мысль, что она прямо сейчас умрет от ужаса. Лоб и спина моментально покрылись холодным потом. Похоже, в последнее время кто-то свыше пытается испытать ее психику на устойчивость.

Как была, в темно-синей шелковой ночной рубашке, Мила взяла в одну дрожащую руку телефон, а в другую – ножницы, и тихо вышла в коридор. Внизу слышались голоса. Девушка прокралась к лестнице, намереваясь незаметно взглянуть, кто это пожаловал, но вдруг все пространство вокруг озарилось ярким электрическим светом, и она увидела внизу у двери неожиданную компанию, состоящую из крепкого брюнета в джинсах и спортивной куртке, молодой женщины в черном трикотажном костюме и мальчика лет девяти. Все они не менее пораженно глядели вверх – на Милу.

– Ну и ситуация! Нарочно не придумаешь! – смеялась утром Элина, наливая в чашки только что сваренный кофе.

Мила с наслаждением вдыхала его аромат. Да уж, этой ночью она натерпелась страху! Девушка, облаченная в легкое домашнее платье оливкового цвета, сидела за столом на залитой солнечным светом кухне дома Юрьянса, наблюдая за тем, как ловко Элина готовит кофе и одновременно успевает доставать тосты. Свои длинные темные волосы журналистка заплела в свободную косу. Несколько прядей у лба выбились из плетения и делали ее по-домашнему очаровательной. Быть может, именно это заставило Виктора, входящего в кухню, неприлично долго задержать на ее лице взгляд. Но затем он повернулся к жене и чмокнул ее в губы.

– Доброе утро, дорогая. Доброе утро, Мила.

Дамы ответили улыбками.

– Мы тут обсуждаем ночные события, – сказала Элина. – Садись за стол, кофе уже готов. Виктор сел напротив журналистки и взял свою чашку.

– Напугали вы нас, Мила, – заметила женщина, поглядев через плечо и улыбнувшись.

– Поверьте, я испугалась не меньше вашего, а то и больше, – ответила та.

– Представляю, одна в чужом доме – и тут такое!

Элина оказалась красивой женщиной лет тридцати пяти, явно привыкшей к хорошей жизни. Даже с утра она выглядела небрежно, но дорого. Эту яркую блондинку совершенно не портила легкая полнота. А вот ее супруг, Виктор Юрьянс, сын Айварса, был напротив, почти атлетического телосложения. «Интересно, – думала, глядя на него Мила, – его отец был таким же жгучим брюнетом в молодости?»

– Простите, Мила, что мы не позвонили и не предупредили о своем приезде, – наконец подал голос мужчина, откидываясь на спинку стула. – Я и подумать не мог, что в доме кто-то может быть. Звонил отцу из аэропорта, буквально парой слов перекинулись, и он, видимо, забыл о вас сказать.

Миле показалось, что Виктор нарочно попытался ее задеть последней фразой. Она заметила, что ему не нравится ее присутствие в доме. Сама она тоже была не в восторге от столь спонтанной перемены в планах. Если теперь тут собираются оставаться на какое-то время сын и невестка Айварса, то ей точно лучше перебраться в гостиницу. Оказалось, что они приехали из Европы на родину в отпуск. Виктор работал в Германии, занимался чем-то, связанным с автомобилями.

– Не беспокойтесь, я не буду вас стеснять, сегодня же попрошу Кристапа отвезти меня в гостиницу в Резекне, – промолвила Мила.

– Ну что вы! – воскликнула Элина, судя по всему, вполне искренне. – У нас полно места! Оставайтесь! Тем более что это дом Айварса, и он сам вас сюда пригласил!

Она принялась уговаривать Милу остаться, и та все же согласилась.

– Только если вы действительно не против, – она вопросительно взглянула на молча пившего кофе Виктора.

– Конечно, оставайтесь, сколько необходимо, – он пожал плечами, демонстрируя, что ему вообще все равно. – Так вы говорите, что занимаетесь изысканиями материалов о судьбе моего прадеда?

– Да.

– Ну-ну.

Это многозначительное и явно насмешливое «ну-ну» Миле очень не понравилось.

Вскоре появился и мальчик, которого девушка видела ночью. Это был молчаливый и стеснительный ребенок по имени Ивар.

За завтраком Мила, отвечая на вопросы Элины, рассказала, что сейчас изучает историю боев за Латвию, в частности операцию по освобождению города Резекне.

Виктор фыркнул:

– Это когда советская авиация практически уничтожила наш город?

Он выжидающе поглядел на журналистку своими темными, ироничными глазами. Она даже смешалась, не сразу сообразив, что ответить. Вот, наконец, ей и встретился в Латвии ярый русофоб.

– Вообще-то ваш город освобождали от фашистов, – заметила девушка, сделав ударение на слове «ваш».

– В результате авиационной операции при освобождении Резекне было убито несколько сотен мирных жителей, разрушено восемьдесят процентов зданий города, – холодным и безапелляционным тоном проговорил Виктор. – А потом в этом преступлении ожидаемо обвинили немцев и объявили советских солдат героями, спасшими Резекне. Даже памятник поставили, тоже «Алеша», как в Болгарии.

У Милы внутри все клокотало от ярости, но она изо всех сил старалась сдерживаться. Ей казалось, что она уже ненавидит этого латыша. И как у них с отцом могут быть столь разные взгляды на те события?!

– То есть вы считаете, что Латвию следовало оставить под оккупацией фашистов? – взяв себя в руки, Мила спросила это будничным тоном, словно ее интересовало мнение Виктора о погоде за окном.

– Знаете, в спорах на эту щекотливую тему я всегда вспоминаю вашу русскую поговорку «лес рубят – щепки летят». Так вот, человеческие жизни, университеты, музеи, храмы, больницы, чьи-то дома оказались щепками, которыми можно пожертвовать ради высокой цели. А стоила ли того эта цель?

– Как вы можете так говорить! Тысячи мирных латвийцев были расстреляны фашистами!

– Мы с вами никогда не пойдем друг друга, – заключил Виктор, не желая спорить и глядя на Милу, как на школьницу, чьи слова невозможно воспринимать всерьез. – Пишите свою статейку, продолжайте, как и многие ваши коллеги, подбрасывать хвороста в огонь вражды.

Девушка готова была поклясться, что ее глаза налились слезами обиды, но все же она выдержала взгляд своего оппонента. По ее мнению, Виктор оскорбил не только память освободителей Резекне, но и лично ее. Она поклялась себе как можно скорее убраться из этого дома. После завтрака поднялась к себе, набрала телефон Кристапа, но он не отвечал. Затем девушка позвонила Юрьянсу. Тот оказался недоступен. Тогда Мила стала собирать вещи, которых было не так уж много. Погруженная в это занятие и в свои мысли, она так сильно вздрогнула, что даже больно ударилась рукой о стол, когда услышала стук в дверь своей комнаты.

– Войдите.

На пороге стоял Виктор. Входить не стал, оперся плечом о косяк и скрестил на груди руки, неосознанно отгораживаясь.

– Мила, я хотел перед вами извиниться, – он, будто нехотя, выдавливал из себя эти слова. – За столом я погорячился и, видимо, вас обидел, раз вы решили нас покинуть.

Он красноречиво осмотрел беспорядок на постели, куда были брошены несколько платьев, кофточек и джинсов, которые девушка собиралась сложить в чемодан.

Мила была уверена, что это Элина убедила супруга извиниться. Все же батюшка этого чурбана не будет доволен столь не гостеприимным к ней отношением.

– Да, вы действительно меня задели, – деваться ей было некуда, и она открыто призналась в том, что обижена.

При этом человеку она вообще чувствовала себя глупой и неуверенной в себе. Мила заметила, что Виктор пару секунд неделикатно рассматривал синюю шелковую ночную рубашку, брошенную на стул. Она густо покраснела, вспомнив, как появилась перед ним в negligé. То, что в таком виде ее видели Элина и мальчик, почему-то совершенно не смущало девушку, а вот от взгляда Виктора становилось прохладнее, словно она и сейчас практически раздета. Чтобы скрыть смущение, Мила отвернулась и принялась деловито рыться в телефоне, молясь, чтобы кто-нибудь позвонил и разрядил эту глупую ситуацию.

– В общем, мы просим вас остаться. Просто давайте больше не будем поднимать эту тему, – в голосе мужчины слышалось легкое удивление тем, что его теперь игнорируют.

– Хорошо, – коротко буркнула Мила, все еще не в силах совладать со смущением, и даже не глянула в его сторону, когда он вышел, прикрыв дверь.

\*\*\*

Ночью гудели самолеты, в небе даже сверкали огни, словно искры. Видимо где-то над ними шел воздушный бой. Чижов, назначенный караульным, с тоской глядел в ночное небо. Его сослуживцы, расположившись за столом в доме, тем временем делились воспоминаниями о родных краях.

– Я из Донбасса, – сказал Михайличенко, которому уже стало лучше. – У нас немцы долго хозяйничали. А вот Чиж из Рязани, как Есенин. Там немцев не было, не пустили.

– А я из под Пскова, – заметил Куров. – У нас тоже фашисты были, натворили дел.  
– Я, до того как попал на фронт, войну себе иначе представлял, – поделился Алексей. – Думал, что немцев легко выгнать, надо только всем за это дело хорошенько взяться.  
– Ага, умный какой, – с иронией заметил Куров. – Все у тебя легко.  
– Да я и сам потом понял, что не прост фашист.

Старик, хозяин дома, ходил по комнате из стороны в сторону. Куров некоторое время наблюдал за ним, а потом сказал:

– Вы, это, если переживаете, что их заметят, то не стоит. Капитан, в случае чего, немчурку пощелкает.

Янис остановился.

– Я не только об этом думаю, – ответил доктор. – Моя внучка в лесу с мужчиной... Вы, ребята, сами должны понимать, одна она у меня... И ей всего восемнадцать.

– Вы что о нашем командире думаете! – Иннокентий даже голос повысил от возмущения. – Он русский офицер! У него за плечами почти сотня сбитых немецких самолетов, тяжелое боевое ранение, две медали «За отвагу», Орден Отечественной войны. Это справедливый и великодушный человек. Вот у нас в части прошлой осенью случай был. Один солдат решил пострелять по кустам из ППШ, испытать, так сказать, новое оружие. А там, оказалось, лейтенант присел по большому делу, и когда вставал, солдат тот как раз ему в спину выстрелил. Наповал. Военно-полевой суд его наверняка бы к расстрелу приговорил – это как пить дать. Но вышло так, что несчастного в пустой конюшне на ночь закрыли, и его там крысы чуть не загрызли. Всю ночь он от них отбивался, кричал, на помощь звал, но никто не слышал. Солдат, который его караулить должен был, решил, что преступник никуда не денется, поэтому отправился спать. А бедняга глаз не сомкнул, в угол забился и скидывал их с себя. Эти твари и руки ему искусили, и галифе прогрызли. Зубы-то у них во! Утром его вывели, а он весь седой. Так наш капитан ходатайствовал, чтоб его не расстреливали, а в штрафбат отправили. Дескать, он и так уже наказан. Так тот теперь в штрафбате и воюет. Еще он тогда сказал, что там, в конюшне, понял – не так страшен немец, как голодные полчища крыс, которые тебя пытаются заживо сожрать. Вот. Так что никогда наш командир ничего плохого себе не позволит в отношении девушки!

– Сколько лет вашему капитану?

– Двадцать семь.

– Пацан еще!

Старик продолжал стоять на своем, но было заметно, что эта история его впечатлила. А Куров был взбешен тем, что Юрьянс позволяет себе такие намеки.

В тот день еще не рассвело, когда со стороны Анчупан стал доноситься гул машин, а затем пулеметные очереди. Лалин проснулся и неподвижно сидел на кровати с лицом мрачнее тучи.

– Думаете, товарищ капитан, опять мирных расстреливают? – спросил у него Иннокентий. Тот не ответил, но по его взгляду было понятно, что догадка Курова верна.

Днем Иван спросил у хозяина, далеко ли отсюда до немецкого штаба.

– Я тут все тропы знаю, могу проводить, – сразу вызвалась Илга.

Дед посмотрел на нее с укором. Но ругать не стал, – некогда, нужно было спешить в поселковую больницу.

Вернулся Янис Юрьянс поздно вечером, внучку, ушедшую в лес с капитаном, уже не застал.

Девушка и Лалин шли молча, настороженно озираясь. За четыре дня, которые здесь пробыли, солдаты еще ни разу не видели немцев.

Штаб располагался в бывшей усадьбе. Иван хотел выяснить, много ли там военных, какая у них техника, и не собираются ли они уезжать. Дело в том, что части редко долго задерживались на одном месте, обычно на смену одним приходили другие.

Вокруг было тихо, но вскоре капитан услышал в отдалении звук проезжающего мотоцикла. Затем из-за зарослей ему удалось рассмотреть какое-то по виду старинное здание из серого камня. Уже трудно было различить украшавшие фасад резные элементы, да и не силен был Иван в архитектурных тонкостях.

– Говорят, когда-то это был барский дом, – шепнула Илга.

У парадного входа стоял мотоцикл и несколько машин. Людей не было видно, в некоторых окнах тускло горел свет. Напряженно всматриваясь в полумрак, Лалин различил двоих часовых. Нужно было возвращаться – овчарки могли учуять посторонних. Да и путь к дому через лес занимал не меньше сорока минут. Капитан уже попятился было от кустарника вглубь деревьев, когда послышался рев моторов нескольких машин, и подъездная аллея стала светлой от огней фар. Это были грузовики, и они быстро приближались. Иван неподвижно застыл, ожидая, что будет. Рука непроизвольно потянулась к кобуре. Вдруг он вздрогнул, потому что его пальцы накрыла прохладная ладонь девушки. Хмуро поглядев на Илгу, он молча отвернулся и стал наблюдать дальше. Из кузовов машин спрыгивали солдаты с автоматами наперевес, весь периметр вокруг здания оцепили в считанные секунды. Звучали короткие команды на немецком. Вот и овчарки появились. Капитан никогда не праздновал труса, но то, как рвано сейчас билось сердце, доказывало, что и ему не чуждо простое человеческое чувство страха.

Через некоторое время фашисты принялись выгружать из машин ящики и уносить их куда-то за угол дома. За три года на фронте Иван достаточно хорошо выучил отдельные немецкие слова, но когда услышал слово «gold», сначала решил, что ему показалось. Неужели и правда, в этих ящиках золото? Откуда?

– Уходим, – шепнул он Илге и бесшумно направился к лесной тропе, по которой они пришли.

Немцы были слишком заняты, чтобы зорко следить за лесом, поэтому сейчас было самое время исчезнуть.

Шли, почти не разговаривая. Капитан был погружен в размышления об увиденном, но в какой-то момент Ивану показалось, что он услышал шаги. Молодой человек резко потянул Илгу за собой и оба скрылись за стволом дерева. Девушка оказалась прижата к мужской груди. Оба почти не дышали, прислушиваясь. И правда кто-то прошел – немец или местный житель. Хотя, что может делать одинокий человек в лесной глуши среди ночи? Лишь когда стало тихо, солдат обнаружил, что прижимает к себе девушку. Поглядел сверху в ее глаза. А потом сам не понял, что за помутнение на него нашло – склонился и поцеловал. Илга даже на цыпочки привстала, обняла его за шею. Неумело отвечала, тычась ему в губы, как несмышленный котенок. Но ее близость дурманила. Иван вдруг осторожно отпрянул. Латышка стояла перед ним такая юная, стройная, светловолосая, наивная и бесхитростная...

– Пойдем.

Она удивленно поглядела, но послушалась. А он думал о Кате и о том, что чуть не совершил глупость. Надеялся, что девушка по неопытности не поймет, что с ним. И корил себя за секундную мысль о том, что она ведь сама не против, и никто бы ничего не узнал. «Что я, скотина совсем, так с девчонкой поступать?» – подумал, коря себя, и угрюмо глядя на темные силуэты деревьев.

## Глава V

Утром Мила задала на навигаторе нужный маршрут, приготовила фотоаппарат, планшет и еще кое-какие вещи в дорогу и спустилась на кухню, из которой уже доносились кофейный аромат и запах только что приготовленных сырников.

– Доброе утро! – улыбнулась ей Элина. – Вам чай или кофе?

Девушка предпочла травяной чай.

– Вечером к нам в гости заедет Айварс, – сообщила женщина.

Мила понимала, что приедет он, в том числе, и по ее душу.

За завтраком Виктор неожиданно сам к ней обратился:

– Куда сегодня отправитесь?

– В Анчупаны. Хочу посмотреть на местные достопримечательности.

Девушка решила не спрашивать у Виктора насчет машины его младшей сестры. Раз Айварс разрешил, значит, она будет ею пользоваться.

– Анчупаны? Правильно. Место траурное. Там расстреливали людей с января сорок второго по сорок четвертый год. Деревня Аудрины, что неподалеку, была полностью сожжена, а жители расстреляны в Анчупанском лесу. Их вина: укрывательство советских раненых бойцов. Недалеко от трассы А-12, рядом с мемориалом, построена смотровая вышка. Надо посетить.

В его голосе отчетливо сквозило даже некоторое злорадство. А ведь сам же говорил, что не следует им поднимать эту тему!

– Папа, и я хочу в Анчупаны. Ты обещал меня отвезти туда! – подал голос Ивар.

– Если хочешь, поехали со мной, – дружелюбно предложила ему Мила.

Мальчик промолчал, стеснительно потупившись и косясь на отца. Журналистка в этот момент мысленно молилась, чтобы сам Виктор не решил ехать. Общества этого зануды и злыдня она не выдержит.

– Ладно, отвезу, раз обещал, – вдруг сказал мужчина. – И вас, Мила, а то разобьете еще Машкину машину.

Да что ж это за человек такой! Он ставил под сомнение не только ее профессиональные качества, но и навыки вождения. Сейчас он ее в очередной раз обидел под видом шутки. Мила поникла, потому что теперь эта поездка будет ей не в радость.

Все-таки Виктор не упустил случая поддеть ее, говоря об Анчупанах. Его, видимо, не трогала история той трагедии. Подобный цинизм выводил Милу из себя. Юрьянс-младший вызывал у девушки сильнейшую антипатию и раздражение. Судя по всему, это было взаимно.

В Анчупанах оказалось немало людей. Должно быть, туристы, потому что местные жители сюда давно не приезжают – решила Мила. И все-таки тут было тихо и как-то мрачно. Не удивительно, если знать, что здесь происходило. Однако журналистка подумала, что не все подобные места вызывают желание убраться поскорее прочь. А тут даже зябко становилось, несмотря на довольно теплую погоду. Как будто души убиенных на самом деле рядом с живыми... Девушка поспешила отвлечься от суеверных мыслей. Ведь может быть, это только у нее возникло такое мистическое ощущение.

Мила то и дело клацала фотоаппаратом, стараясь отснять побольше подробностей. Рядом шагал Виктор, и бегал Ивар. Мальчик то обгонял их, то снова возвращался. В конце концов, отец взял его за руку и стал рассказывать о мемориале.

– Смотри, эта каменная стена вдоль дороги, проходящей мимо мест массовых захоронений, символизирует палачей. Вечнозеленые ели, растущие справа – людей, которых выстроили в ожидании расстрела. Нижняя часть мемориала называется «Долина страданий». Она заканчивается у бетонной стены с надписью «Они умерли, чтобы жил ты».

Мила тоже слушала. Когда поднялись по ступеням непосредственно к самому памятнику, их взору открылся основной акцент мемориала – работа скульптора Расы Калнини-Гринберги под названием «Мать-яблоня». Женщина, чье тело представляло собой ствол дерева, а руки – его ветви, в одной руке держала ребенка, а в другой – высоко поднятой – яблоко. На стенде было написано, что памятник является гимном бессмертию жизни.

– А почему мать-яблоня не дает ребенку яблоко? – спросил Ивар, заморожено рассматривая монумент.

– А вам, Мила, это интересно? – повернулся Виктор к девушке.

– Да, – чуть замешкавшись, ответила она.

– Мне кажется, здесь заложен какой-то религиозный смысл, – принялся рассуждать мужчина, и добавил, – в религии ребенок – плод грехопадения.

– Этот памятник создавался в советское время, – напомнила Мила, намекая на атеизм. – И вообще, в любой религии дети – символ продолжения жизни, а не грех!

– Как вам будет угодно, – усмехнулся Виктор.

– Вы не согласны? – возмутилась девушка. – Я думаю, тут скорее дело в яблоке. Оно является символом познания.

– Выходит, если мать не дает ребенку яблоко, то нет продолжения жизни?

– Да нет же! Она хочет, чтобы он до него дотянулся. Он получит знания и будет жить. Это спасение и продолжение жизни. Спасение, искупление... Надпись при входе помните? «Они умерли, чтобы жил ты». Тут проскальзывает библейский мотив жертвы, искупления, не находите?

– Совершенно с вами не согласен, – заявил Виктор.

– Фи, сударь, спорить с дамой! – Мила решила перевести очередную перепалку в шутку.

Он снова ей нагрубил и, кажется, даже не понимал этого, поскольку невозмутимо рассматривал памятник.

– Мы, словно средневековые схоласты, можем сколько угодно спорить и углубляться в толкование символики, но вы забываете, что находитесь в Латвии, – между тем продолжал мужчина. – Даже в советское время в культуре этой страны наблюдался некий вызов идеологии, но тогда на это закрывали глаза.

Что он там говорил дальше, Мила уже не слышала. Ее внимание привлекла возмутительная сцена. У мемориала стоял ветеран. Его обступили подростки, смеялись, что-то громко говорили на латышском, затем один из парней ногой выбил у деда из рук трость.

– Что они говорят? – спросила Мила у Виктора, но тот медлил с ответом, и Ивар его опередил:

– Они говорят, что он оккупант.

Вдруг девушка решительно направилась к группе молодых людей, вырвала у одного из них тросточку и отдала ветерану.

– Прекратите глумиться! Если бы не этот человек, вас бы вообще не было!

Виктор наблюдал за происходящим с удивленно приподнятыми бровями. А парни тем временем отвернулись от старика, окружив Милу.

– Глядите, какая аппетитная телка, – нагло усмехнулся светловолосый молодой человек лет девятнадцати. – Познакомимся, малышка?

Он стал приближаться к девушке. Но она не двинулась с места. Жизнь в детском доме закалила Милу, и драться она не боялась. Когда наглец оказался совсем рядом и попытался схватить ее, журналистка резко вывернула ему руку за спину. Тот вскрикнул.

– Сука! Парни... – он не успел договорить.

Один из его друзей закричал:

– Валим отсюда, вон идет ее ... – далее следовало такое вульгарное матерное словечко (синонимом которого в литературе было «любовник»), что Мила невольно покраснела.

Виктор, не церемонясь, дал ощутимой силы подзатыльник тому, кто обозвал его этим оскорбительным емким словом, сопровождая свое воспитательное действие тирадой на латышском. Мила ничего не поняла, а вот парни поспешили ретироваться, больше не открыв ртов.

Оставлять вот так ветерана журналистке показалось невежливо, и она разговорилась с дедушкой о памятнике.

– Вы часто тут бываете?

– Да, часто, – принялся неторопливо рассказывать он. – И внуков своих приводил. Когда впервые пришел сюда с ними, им было три и пять лет. Рассказал, что здесь каратели творили с людьми, так они плакали навзрыд! А сейчас тут все заросло. Кто-то потихоньку разбирает стену мемориала при попустительстве краевых властей и молчаливом согласии Резекненской городской думы. А ведь тут покоятся больше пятнадцати тысяч невинных жертв нацизма!

Дедушка помолчал и продолжил:

– Мемориал разрушается, и это никого не волнует. Властям не до жертв фашизма, у них есть дела посерьезнее. Совсем недавно стены мемориала возле памятника «Мать-яблоня» были испоганены надписями. Это кощунственно – так измываться над мертвыми!

Было заметно, что старику тяжело говорить, но он пересиливал себя.

– Если Анчупанский мемориал будет предан забвению, это еще один шаг к безнаказанности, вседозволенности, геноциду. Многие резекненские школьники даже не знают, что здесь в годы войны истязали и убивали мирных жителей Латгалии, Латвии...

Дедушка рассказал Миле о том, что раньше здесь повсюду цвели розы, сюда приезжали фотографироваться новобрачные. А сейчас Тропа Скорби уничтожена тракторами, которые вывозят лес, и совсем заросла бурьяном.

– Неужели здесь похоронены какие-то не такие люди? – возмутился старик.

Они беседовали не меньше часа, но все же Миле нужно было уходить. В глазах ожидавшего ее Виктора ясно читалось нетерпение и неприкрытая скука.

Отчего-то девушке было ужасно стыдно после случившегося. Даже хуже, чем после ее появления в ночной рубашке. Сев в машину, она покосилась на Виктора, но тот глядел вперед, на дорогу.

– Зачем вы вообще туда сунулись? – раздраженно проговорил он, когда автомобиль тронулся.

– Этому человеку нужна была помощь! И вообще на вашем месте я бы предложила отвезти его домой! Это было бы по-мужски, – Мила ответила не менее резко, нарочно задев его эго.

– Папа, но ведь тетя Мила права! Ты сам мне говорил, что старикам надо помогать, – неожиданно раздался с заднего сидения голос Ивара.

Виктор ничего не ответил и дальше всю дорогу молчал. А Мила с мальчиком обсуждали увиденное. Гораздо позже журналистку осенила мысль, что она так и не поблагодарила Виктора за вмешательство. И даже наоборот, упрекнула в недостатке мужественности...

Вечером на пороге дома появился Айварс с букетом цветов.

– Добрый вечер, мои родные! Сынок, Эля! – он вручил невестке розы. – Ивар, мальчик мой!

Дед обнял внука.

– А я не один. Знакомьтесь... – он не успел договорить, когда рядом возник молодой человек, при виде которого Мила ахнула.

– Ты?! – воскликнула девушка, испытав эффект дежавю.

– Нет, ну это уже не смешно, – констатировал Олег Лалин, глядя на бывшую жену из-под сведенных бровей.

## Глава VI

Темно, но на востоке небо уже слегка облагрилось восходящим солнцем. Холодно... Кругом голоса, хныканье детей, перешептывания. А потом грубые, отрывистые команды на немецком языке, крики, стоны, выстрелы. Кто-то держит ее за руку. Теплая ладонь сжимает пальцы. Чья же это рука? Ощущение, дающее надежду на то, что все будет хорошо.

Мила проснулась на рассвете от неприятного тревожного чувства, которое бывает после страшного сна. Она поняла, что ей снилось – словно это она там, среди несчастных, обреченных на смерть, в Анчупанах, ждет команды «огонь», которая оборвет ее жизнь. Как же сильно ее тронула эта ужасная трагедия более чем 70-летней давности.

Мила села в постели, зажгла прикроватный ночник в виде звездного неба, и заставила себя вернуться к реальности. Ей было что рассказать Айварсу. На днях она отправила по электронной почте письмо бывшему коллеге Антону Короткову в Берлин. Когда-то этот парень работал с ней в пресс-службе полиции. Она там стажировалась, но впоследствии все-таки ушла в газету. А он уехал в Европу. К счастью, у Милы сохранились его контакты. Девушка попросила его по своим каналам пробить кое-какую информацию, он без проблем согласился и вскоре прислал ответ. Ему удалось достать предполагаемые списки расстрелянных в Анчупанах мирных жителей. Немцы славятся своей педантичностью, поэтому то, что подобная информация сохранилась – не удивительно. Хотя списки расстрелянных во время войны евреев – жителей ее родного города, – она и вовсе нашла в интернете. За давностью лет даже секретная информация о тех событиях становится все более доступной и, к сожалению, уже мало кому интересной.

Так вот, в присланных Антоном списках, которые Мила изучала полночи, был и дед Айварса. «Правда, это совершенно не значило, что он не работал на немцев», – одернула тогда себя девушка, сперва обрадованная данной зацепкой.

Нужно будет после завтрака поговорить с Юрьяном, показать ему присланные из Германии документы. И уточнить один момент, о котором Мила до этого времени совершенно не подозревала. А пока следовало подумать об еще одной проблеме. Лалин. Мила прокрутила в голове подробности их вчерашней встречи.

– Вы что знакомы? – удивился Айварс Эженович.

– Немного, – ответила Мила, иронично глядя на бывшего супруга и повторяя когда-то так разозлившее ее слово.

Потом она объяснила, что познакомилась с Олегом, когда проходила практику в пресс-службе МВД. В принципе, это вполне могло бы быть правдой.

Из тех нескольких минут, в течение которых длилось их общение, Мила сделала вывод, что Олег на нее очень зол. Да, они некрасиво расстались, но до сих пор злиться – это перебор! Однако, подумав, девушка решила, что недоволен Лалин именно тем, что застал ее тут. Два обозленных мужчины на ее голову – это уж слишком. Тем более еще неизвестно, зачем здесь сам Лалин появился. Копают под Юрьянса? Хотя разве может полиция другого государства интересоваться делами гражданина Латвии? Этот Айварс, конечно, мутный тип, но тут что-то другое. Остается одно – Олег здесь по личному делу.

По правде говоря, Миле сначала даже показалось, что он ее преследует. Но затем журналистка решила, что Лалину действительно до нее нет дела и он не меньше нее удивлен их встречей.

Когда Мила спустилась на кухню, Элина, как обычно, уже хозяйничала там. Виктор с мальчиком завтракали. А Айварс с Олегом пришли следом за ней. Оказалось, они о чем-то

беседовали в кабинете все утро. Но лицо Лалина было непроницаемым. Он вовсе не смотрел на Милу, кроме того момента, когда пожелал ей доброго утра.

– Виктор, – обратилась девушка к Юрьянсу-младшему, ставя на стол свою чашку. – Я хотела извиниться за эту сцену возле памятника. Мне действительно неудобно.

Мила все еще испытывала неловкость за случившееся в Анчупанах, поэтому, когда говорила, чувствовала, как от волнения гулко шумит в ушах кровь.

Было заметно, что Виктор, мягко говоря, поражен ее словами. Он коротко кивнул, давая понять, что ее извинения приняты, и озадаченно поглядел Миле в глаза.

– А что там произошло-то? – спросил Айварс, уплетая пирожное.

– Неважно, – поспешил ответить ему сын, не давая Миле возможности рассказать в подробностях о вчерашнем происшествии.

Элина не проявила особого интереса к ее словам, а вот Олег посмотрел на Милу как-то странно, осуждающе, что ли. Вообще ей казалось, что в его глазах она постоянно в чем-нибудь виновата.

Милу осенила мысль, что они с Виктором и мальчиком провели практически весь день на людях, и все эти люди наверняка принимали их за мужа и жену, а Ивара – за их общего сына! И только теперь она задумалась, почему Элина не поехала с ними. К слову, Виктор ей даже не предложил.

Ее мысли прервал Айварс, объявив, что ему повезло познакомиться с Олегом Эдуардовичем Лалиным, ибо он правнук настоящего героя. Да уж, прадед в этой семье был поистине легендой. Мила помнила его портрет в военной форме и при орденах на самом видном месте в гостиной.

Девушка, конечно же, обратила внимание, что Олег сел рядом с ней. Пока он ел и пил кофе, она невольно задерживала взгляд на его загорелых руках. Он так и не взглянул на нее, но пару раз ему довелось подать ей то бутерброд, то пиалу с медом. И делал он это так по-домашнему, как когда-то дома, на их кухне... Даже не верилось, что спустя столько времени они вновь вот так вместе завтракают. Конечно, они были не одни, но это уже полузабытое ощущение, когда он рядом, снова вернулось. Мила постаралась отвлечься, стала вслушиваться в беседу. Обсуждали последние мировые новости. Айварс любил это делать за трапезой. Несмотря на то, что некоторые темы могли испортить аппетит кое-кому из присутствующих за столом. Кроме него особого интереса к последним событиям в мировой политике никто не проявил. Все довольно мило беседовали, и даже Виктор не сказал ничего грубого или бесцеремонного. Единственное, что почему-то напрягло и испортило Миле настроение еще больше – практически не сходящая с лица Элины улыбка, обращенная к Олегу, и ее болтовня с ним.

– Расскажите о вашей работе! Она, наверное, безумно интересная.

– Да ну, что там рассказывать, – Лалин даже смутился.

Элина открыто кокетничала с ее бывшим мужем, а Виктору до того не было дела! Когда все стали расходиться по своим делам, Мила догнала Олега в коридоре.

– Лалин!

Он остановился и молча ждал, когда она подойдет.

– Скажи честно, Олег, что ты здесь делаешь? – девушка говорила приглушенно, чтобы никто из посторонних не стал случайным свидетелем их разговора.

– А ты? – мужчина прямо смотрел ей в глаза цепким взглядом, от которого захотелось поежиться.

Словно на допросе!

– Не включай опера! Я первая спросила.

Олег вздохнул и ответил:

– Я давно интересуюсь судьбой прадеда, ты об этом знаешь. Так вот отец нашел в старых вещах пачку его писем. Из них я узнал много новой информации. Долго все рассказывать, да

и не место здесь. Короче, в одном из писем прозвучало имя Яниса Юрьянса. Я поискал в сети и вышел на его внука, связался с ним. Он пригласил меня сюда.

– А как же работа?

– Я больше не работаю в полиции.

Мила поглядела на него недоверчиво. Чтобы Лалин вот так все бросил и помчался неизвестно куда просто ради интереса? Что же там было, в этих письмах? И зачем Айварс его сюда пригласил?

– Теперь ты рассказывай, что тут делаешь, – напомнил он, прерывая поток ее размышлений.

– Я здесь по работе. Это тоже долго рассказывать.

– По работе? – Олег усмехнулся.

Острый взгляд его умных серых глаз буквально буравил ее.

– Ты что, не веришь?

– Что ты! Как я могу, в самом деле! – наиграно вскинул он брови. – Провернула в поликлинике свои черные делишки, и карьера в гору пошла? Вышла на международный уровень?

Он не воспринимал ее слова всерьез! Милу это до крайности возмутило.

– Не знаю, что у тебя здесь за дела, но не удивлюсь, если это дела сердечные, – хмыкнул он.

– Чего? – она даже дар речи едва не потеряла.

– Думаешь, никому не заметно, как он на тебя пялится?

– Кто? Айварс? – непонимающе захлопала ресницами Мила.

– Дурочку из себя не строй! – с неожиданной резкостью в голосе бросил Олег, развернулся и ушел.

Мила какое-то время смотрела ему вслед, потом вышла во двор, где Ивар пинал мяч и все поглядывал наверх, поджидая отца, обещавшего поиграть с ним. Потом девушку осенила одна мысль, от которой она буквально взлетела по ступенькам. Когда поднималась по лестнице – почти столкнулась с Юрьянсом-младшим, который вежливо отстранился, пропуская ее.

Олег сидел за ноутбуком. Лишь мельком глянул, кто вошел, когда она распахнула дверь, а потом предусмотрительно прикрыла ее за собой.

– Ты что, решил, что я любовница Виктора? – Мила жгла его взглядом, и, не дождавшись ответа, бросила: – Думай, что хочешь! Быть может, это и правда. Какое тебе вообще дело!

Олег ничего не сказал, продолжая глядеть в монитор.

– А в твою версию, что ты приехал из-за писем прадеда, я ни капли не поверила, – добавила журналистка и вышла.

Дождавшись, когда вечером Лалин пойдет в душ, девушка неслышно скользнула в его спальню, и открыла папку, которую заприметила еще в прошлый свой визит. В ней были какие-то бумаги и действительно имелось несколько старых писем. Развернув одно, Мила прочла: «Родная моя Катенька...» Но тут шум воды прекратился. Девушка едва успела сунуть письмо в карман и шмыгнуть за дверь, когда Олег, на ходу вытирая полотенцем шевелюру, вышел из душа.

Сразу дочитать письмо ей не удалось, поскольку в коридоре ее поймал Айварс. Ну что ж, Лалин наверняка поймет, куда оно делось.

– Зайчонок, ты хотела поговорить?

– Да... – Мила осеклась, чувствуя, как горят щеки.

Когда они вошли в кабинет, она уже взяла себя в руки. Рассказала все, что удалось узнать, принесла распечатанные немецкие документы, посетовала, что в библиотеке Резекне очень мало русскоязычных газет, выходявших в годы войны. Самый главный, интересовавший ее вопрос, оставила напоследок.

– Кто такая Илга? Ваша двоюродная сестра? – спросила Мила.

Юрьянс посмотрел на нее так, будто она не в себе.

– Я понятия не имею, о ком вы, – произнес он ровным голосом.

Девушка уже открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут мужчине позвонили. Айварс расхаживал по кабинету, эмоционально разговаривая с невидимым собеседником на латышском. Мила сидела, не двигаясь, и размышляла над его словами, пока ее внимание не привлек текст на мониторе компьютера. Благо тот был повернут так, что с ее места великолепно просматривался. Было видно открытое в почте письмо. Журналистка пробежала текст глазами: «Лично я считаю, что опер он был толковый. Родители у него из богатых, видать, поэтому он такой высокомерный. Но честный, и грязи не боится, а в нашей работе ее достаточно. От того, может, и взятки не брал, что денег не считал. Правда, как я понял, в полицию он назо родителям и пошел. Но особо там ни с кем не дружил. Иногда со мной пиво ходил пить, и то, думаю, от скуки».

Чтобы прочесть дальше, нужно было прокрутить колесико мышки. Естественно сделать этого Мила не могла. Но ей и так уже было понятно, о ком идет речь. Стало быть, Юрьянс за чем-то собирает информацию об Олеге... И кто-то ему эту информацию предоставляет.

– Ладно, Милочка, давайте закончим, когда я приеду в следующий раз, – раздался над ее головой голос Айварса.

Ему теперь явно было не до нее. Мужчина стал с сосредоточенным видом что-то искать в ящике стола, потом принялся набирать на телефоне номер. Мила вышла, раздумывая, рассказать Лалину о том, что узнала, или нет. Решила спуститься в кухню, сделать себе чаю, но подходя, увидела свет и услышала голоса. А точнее – голос Элины, недовольный и резкий. Раньше она такого за женой Виктора не замечала.

– Эта девка, должно быть, хорошо знакома с Олегом.

Журналистка отметила про себя, что та называет Лалина просто по имени. Как-то уж слишком панибратски.

– Возможно, – послышался равнодушный ответ Виктора.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.